

АЛЕКСЕЙ МОЛЬКО ЖИЗНЬ ВРАСПЛОХ И СМЕРТЬ В РАССРОЧКУ

№ 30 1997

ЗАМЕТКИ О КНИГЕ СЕРГЕЯ ЛЕЙБГРАДА
"СЛОВАРЬ ДЛЯ ОПОЗДАВШЕГО"

Художественное сознание уходящего века отмечено окончательным разрывом с представлениями о строго выверенном и гармоничном мироустройстве, восходящими к древнейшим космогониям, и вместе с тем настойчивыми, но, пока, кажется безуспешными попытками словно бы заново воссоздать, сложить единую, цельную его картину. Бесчисленные напряженно полемизирующие, а подчас и ожесточенно враждующие меж собой направления искусства, все эти многоликие "измы" и "арты" суть воплощения расколовшегося, потрясенного мира, который поистине "вытянулся и растянулся, и вновь сократился, наподобие аккордеона во власти садистской руки" (Б.Сандра).

Начиная, пожалуй, с середины 1980-х годов эта тенденция стала все громче и отчетливее заявлять о себе и в "новой Самаре". По своему развивает ее и поэтическая книга С.Лейбграда "Словарь для опоздавшего". Прочитав стихотворение "На глубине, в подкладке ремесла..." Оно, как представляется, наиболее четко, последовательно, быть может, даже несколько декларативно выражает совершенно определенное мировосприятие (не случайно, очевидно, произведение входит в ряд открывающих сборник, задающих какие-то важные его смысловые координаты).

Итак:

На глубине, в подкладке ремесла
Мерцание не смерти, но химеры...
А жизнь - когда из меньшего числа
Ты вычитаешь большее. Примеры
Подобной арифметики везде,
На всех погостах, как на школьных досках.
Я ученик, плетущийся в хвосте,
Христородавец с высосанным Босхом
Из пальца. Я в безумный твой наряд
Проваливаюсь, в темноту привычки...
И воробьи на корточках сидят,
Как лагерники после переключки.
На корточках черствеет слово "хлеб",
Кто карими, кто серыми, кто слеп,
Кто кирасир, но даже в одиночку,
В чужой стране, чтоб родственник нелеп
И свет немил, чтоб по миру без скреп,
Но жить враспloch и умирать в рассрочку.

Последняя, финальная строчка прямо манифестирует зыбкость и спорность незыблемого и бесспорного - предельных, абсолютных категорий. Примечательно и появление здесь скрытой цитаты из селиновского "Путешествия на край ночи", где жизнь называют однажды "смертью в кредит". (Кстати, следует сказать об исключительной насыщенности культурно-эстетического ряда в сборнике. Его составляют прежде всего различные аллюзии, аллюзивные цитаты и имена собственные, несущие имплицитную, подразумеваемую информацию. А иногда они даже формируют художественное целое. Например, стихотворение "Все кончится до первых слез..." воспринимается как "эхо" знаменитого "Рождественского романса" Иосифа Бродского).

В "Словаре для опоздавшего" приоткрывается мягущееся, поглощенное собой сознание, представляющее дисгармоничность внутреннего существования как дисгармоничность сущего; отождествляющее почти экстремальную динамику смены настроений с хаотичностью, мозаичностью окружающего, разорванностью в нем логических связей и понятий. Отсюда - и конфликтное сосуществование прозаической и стихотворной речи в структуре сборника, во многом определяющее прихот-

ливый ритмический рисунок книги, и позиция лирического "я".

В фокусе его внимания - не сами наблюдаемые вещи, ситуации, явления, а процесс их рассматривания, узанавания, разглядывания. Картины природы, городские виды, равно как и другие объекты поэтического повествования предстают перед читателем не в их внешних формах. Место обрисовки, так сказать, предмета занимает его поэтическая "реконструкция", отражающая процессуальность художественного восприятия и познания. Образная ткань сборника буквально пронизана столкновением косвенных свидетелей чувственного ареала поэта, разноречивых "сфер жизни", монтажное сопоставление которых открывает все новые и новые их аспекты. И объект превращается в своего рода "семантический пучок", несущий множество ассоциаций.

Показательно в этом плане стихотворение "Оклеиваю зрением цветным..." Его начальные и заключительные строки образуют отчетливое композиционное кольцо, как-раз и характеризующее достаточно рельефно отличительные черты лирического "я":

Оклеиваю зрением цветным
пространство, что становится родным
по месту проживания, по складу
характера. /.../
...Что делаю? Леплю -
закрыв глаза, из внутреннего света
улыбку, тело, улицу... Люблю
следить за легкой линией сюжета...

Одна из ведущих тематических линий сборника - время, которое Сергей Эйзенштейн когда-то провидчески назвал "центральной драмой персонажей XX века".

Естественно, пути ее интерпретации могут быть самыми разными. В "Словаре для опоздавшего" время становится элементом и показателем различных систем, принципиально несводимых к какому-либо единству. Здесь ему присущи внутренняя дифференцированность и многоответственность, начисто отрицающая причинно-следственные связи, синхронию и диахронию. Порой оно предельно сжимается, уплотняется, сверхнасыщается, а иногда, напротив, как-бы замирает, "разряжается".

Лирическое "я" многих стихотворений развивается сразу в нескольких измерениях исторического времени и опыта. Прошлое сталкивается с настоящим и возможным будущим, опыт сегодняшнего дня бестрепетно развеивает иллюзии дня вчерашнего и отрицает еще не наступившее "завтра". А подчас лирическое "я" вообще выглядит как столкновение целого ряда временных воплощений:

Когда бы не осень, когда бы не смена, когда бы не смерть -

Я смог бы еще посмотреть и подумать, еще посмотреть

на вечное тело и брэнное слово
на черной стене
компьютера, неба седьмого ночного
почти в тишине,
почти в монотонной, почти в монохромной. /.../
("Мне снова приснятся плачущая ива, смешливый каштан...")

Я наблюдаю время между двух
Уже несовместимых расстояний,
Смотрю, как ты меняешься и лжешь,
И кажешься, и нервы бережешь,
И то нирваны хочешь, то страданий.
Всеми виной бессонница одна,
Я возвращаюсь временно из сна,
Я только-что вернулся из Египта,
Всего каких-то десять тысяч лет
Или чуть больше, точных данных нет,